

УДК 391:398.224(=512.153)
DOI 10.25587/SVFU.2023.63.27.005

М. Д. Чертыкова, Ч. А. Каксин
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

ХАНСКАЯ ЮРТА КАК ЦЕНТР ЭПИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ТЕКСТАХ ХАКАССКИХ ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЙ: *ӨРГЕ*

Аннотация. В статье предлагаются результаты лингвистического анализа семантико-когнитивной структуры этно-эпической константы *өрге* «дворец, замок, юрта хана, ставка хана». Цель статьи – описание и выявление функционально-семантических, этимологических и лингвокультурологических особенностей клишированных выражений с данным компонентом. Актуальность исследования обусловлена тем, что отдельные фрагменты фольклорной картины мира представляют собой кладёз традиционных знаний и ценностей наших предков. Хотя традиционная юрта, как объект материальной национальной культуры, постоянно привлекает внимание исследователей в гуманитарных науках, языковая репрезентация данной концептуальной сферы не только в хакасском, но и в других тюркских языках изучена недостаточно. Новизна проведённого исследования заключается в том, что впервые описаны клишированные выражения с компонентом *өрге*: *ах өрге иб* «величественная ханская юрта; букв. белая дворец-юрта» и *ах өрге* «букв. белая юрта» в текстах героических сказаний. Для анализа отобраны клишированные выражения с данным компонентом, собранные из текстов героических сказаний «Албынчы» и «Ай Мичикнен Кюн Мичик», названных именами главных героев – богатырей. В ходе исследования проводится сравнительный лексико-семантический анализ использования лексемы *өрге* разными сказителями. На данном примере ещё раз подтверждается уникальность и индивидуальность языка и стиля исполнения героических сказаний, характерных для каждого отдельного мастера-сказителя. Употребления известными хайджи клишированных выражений *ах өрге иб* «величественная ханская юрта; букв. белая дворец-юрта» (С. П. Кадышев) и *ах өрге* «букв. белая юрта» (П. Т. Боргояков) маркированы соответствующими лексико-семантическими и грамматическими особенностями. Также на языковом материале показано, что в концептуальное поле ханского жилища включаются лексико-семантические и грамматические категории, реализующие понятия местонахождения, захода / выхода, отправления / возвращения богатыря после героических подвигов. Тем самым в концепте ханского жилища обнаруживается совмещение понятий центра эпического пространства и символа родной земли богатыря.

Ключевые слова: хакасский язык; героическое сказание; ханская юрта; языковая репрезентация; концептуальные смыслы; лексема; клише; семантика; функционирование; описание; эпическое пространство.

ЧЕРТЫКОВА Мария Дмитриевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия. ORCID 0000-0002-7467-4388.

E-mail: chertikova@yandex.ru

CHERTYKOVA Maria Dmitrievna – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of Institute of Humanitarian Researches and the Sayan-Altai Tyurkologiya of the Khakas State University of N. F. Katanov, Abakan, Russia. ORCID 0000-0002-7467-4388.

E-mail: chertikova@yandex.ru

КАКСИН Чингиз Андреевич – студент Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия.

E-mail: kaksin@yandex.ru

KAKSIN Chingiz Andreevich – student of the N. F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russia.

E-mail: kaksin@yandex.ru

M. D. Chertykova, Ch. A. Kaksin
N. F. Katanov Khakas State University

Khan's yurt as the center of epic space in the texts of Khakas heroic tales: *öpze*

Abstract. The article offers the results of a linguistic analysis of the semantic-cognitive structure of the ethno-epic constant *öpze* “palace, castle, khan’s yurt, khan’s headquarters”. The purpose of the article is to describe and identify the functional-semantic, etymological and linguocultural features of clichéd expressions with this component. The relevance of the study is due to the fact that individual fragments of the folklore picture of the world are an invaluable storehouse of traditional knowledge and values of our ancestors. Although the traditional yurt, as an object of material national culture, constantly attracts the attention of researchers in the humanities, the linguistic representation of this conceptual sphere, not only in Khakas, but also in other Turkic languages, has not been studied enough. The novelty of the study is that for the first time clichéd expressions with the *öpze* component are described: *ax öpze ub* “the majestic Khan’s yurt; lit. white palace-yurt” and *ax öpze* “lit. white yurt” in the texts of heroic legends. For analysis, clichéd expressions with this component, collected from the texts of the heroic tales of *Albynchy* and *Ai Michikneng Kyn Michik*, named after the main heroes – warriors, were selected. In the course of the study, a comparative lexical and semantic analysis of the use of the lexeme *öpze* by different storytellers is carried out. In this example, we once again confirm the uniqueness and individuality of the language and style of performance of heroic tales, characteristic of each master storyteller. The use of clichéd expressions by well-known *haiji*- singer *ax öpze ub* “majestic khan’s yurt”; lit. ‘white palace-yurt’ (Kadyshev) and *ax öpze* “white yurt” (Borgoyakov) are marked with the corresponding lexical-semantic and grammatical features. Also, using linguistic material, we showed that the conceptual field of the khan’s dwelling includes lexical-semantic and grammatical categories that materialize the concepts of location, entry/exit, departure/return of the hero after heroic deeds. Thus, in the concept of the khan’s dwelling, a combination of the concepts of the center of the epic space and the symbol of the hero’s native land is found.

Keywords: Khakas language; heroic legend; khan’s yurt; language representation; conceptual meanings; lexeme; cliché; semantics; functioning; description; epic space.

Введение

Тексты героических сказаний являются уникальным закодированным кладом глубинных смыслов архетипического видения мира. Исследование данного языкового материала позволяет раскрывать идиоэтнические специфические и универсальные составляющие многовекового национально-исторического опыта конкретного этноса. Важнейшие направления изучения способов номинации и членения окружающего мира, запечатлённых в фольклорной / мифологической картине мира, способствуют сохранению и развитию духовных, мировоззренческих, языковых и ментальных факторов в современных национальных культурах. Как отмечает М. А. Ахматова: «Функционально-семантические особенности языковых единиц, наличествующих в эпосе, дают возможность выявить и описать стоящие за ними когнитивные структуры представления знаний» [1, с. 4]. Общеизвестно, что тексты героических сказаний сохраняют традиционные представления народа о модели построения мира. При этом основным средством передачи из поколения в поколение столь богатого и великого наследия является только язык. На современном этапе семантико-когнитивный и лингвокультурологический аспекты исследования текстов героических сказаний являются наиболее актуальными и приобретают базисный статус на основе взаимодействия междисциплинарных категорий культурологии, фольклористики, этнографии и лингвистики.

В жизненном пространстве человека ключевое место занимает дом, являющийся естественной точкой взаимодействия между внешним и внутренним мирами, из которой он выходит и куда возвращается, как в убежище. Проблема репрезентации в языковой картине мира культурного концепта «дом; жилище» посвящены немало этно-/лингвокультурологических

исследований в разноструктурных языках [2; 3; 4; 5 и др.]. В хакасском языкознании впервые обратила внимание на вопросы наименования жилищ, их зональных мест, а также ассоциативные связи дома с национальной ментальностью Р. П. Абдина в рамках своего исследования бытовой лексики хакасского языка [6; 7]. Значимость дома / жилища, как организующего начала духовных и материальных ценностей центра притяжения, определяется и в других смежных дисциплинах, например, в философии, литературе и этнографии. С присущими структурными элементами культурной и ментальной трансформации концепт «жилище» сохраняет ведущие позиции лингвокультуры и в активной лексике современных языков.

Героическое сказание «Албынчы» [8] записано Д. И. Чанковым в 1948 г. от известного хакасского сказителя (*нымахчы / хайчы*) С. П. Кадышева. Героическое сказание «Ай Мичикнен Кюн Мичик» («Ай Мічікнен Күн Мічік») [9] записано О. В. Субраковой от не менее талантливого и известного сказителя П. Т. Боргоякова. Оба произведения транслируют идею подвигов богатырей во имя защиты родной земли от внешних врагов. «... в этих героических сказаниях, как и в других произведениях данного жанра, развитие событий происходит в соответствии с народными эпическими традициями, с широким использованием распространённых речевых оборотов» [9, с. 11].

Язык героического сказания в исполнении отдельного сказителя отличается своеобразной самобытностью и индивидуальностью стиля передачи, благодаря чему наборы клишированных выражений и грамматические, диалектные и другие языковые алгоритмы развёртывания сюжетных линий имеют характерные вариации. В частности, Л. Н. Арбачакова в своём исследовании стиля и характера исполнения шорских героических сказаний сказителя-*нымахчы* А. П. Напазакова (1937–2004) находит неоднократные подтверждения присутствия *хайчы* в эпическом мире. По наблюдениям автора, «эпическая речь» сказителя не является застывшей. А. П. Напазаков, в зависимости от настроения, состояния здоровья или каких-то иных обстоятельств, мешающих исполнению, мог варьировать зачин и концовку, сокращать их объём. Сказитель-*нымахчы* активно использовал не только собственные сказительские словоупотребления, но и «переносил в эпическую среду некоторые моменты из своего жизненного опыта, а также давал оценку действиям персонажей эпоса» [10, с. 100]. Таким образом, хотя язык героических сказаний считается языком высокого стиля, выработанным на протяжении многих столетий, каждый сказитель использует свои индивидуальные приёмы исполнения, включающие культовые, языковые, морально-этические, мифологические, интонационно-горловые и другие особенности. Однако исследователь, учитывая индивидуальное мастерство сказителя, должен рассматривать каждый текст героического сказания как совокупность всех собранных его вариантов. Имея такой комплекс определяющих признаков, язык героических сказаний – это «явление довольно сложное, поскольку тут переплетаются мифологическая, лингвистическая и поэтическая семантика» [11, с. 9].

1. Языковая репрезентация ханской юрты как центра эпического пространства

В тюркском эпическом пространстве ханское жилище является одним из базовых концептов в тюркской традиционной культуре. Его традиционно-культурный образ сформировался с учётом ценностных, перцептивных и образных характеристик. «Жилище – один из ключевых элементов, определявших традиционные схемы пространства в мировоззрении южно-сибирских тюрков» [12, с. 56].

В хакасских героических сказаниях ханское жилище репрезентируется лексемами *örge* «дворец, замок, юрта хана, ставка хана» [13, с. 327]; *иб* «1) дом; жилище; <...>; 2) юрта; <...>; *ичениң иби истіг, пабаның иби паарсах* посл. дом матери уютен, дом отца – ласков (для замужней молодой женщины)» [13, с. 112–113], *тура* «1) здание, изба, дом; <...>; 2) квартира; <...>; 3) учреждение, общественное заведение; <...>; 4) комната; <...>; 5) уст. архит. город (часть прежних названий некоторых городов); *Аба тура* Кузнецк, *Том тура* Томск» [13, с. 677], *чурт* «1) стойбище, стоянка; <...>; *үрен-чурт* фолькл. поколение-стойбище, семья-стойбище, населе-

ние; *Алтай сынның үстүңең ээн чуртты харап көр тур* фолькл. С высоты хребта Алтай [богатырь] смотрит на [свое] разорённое стойбище; *ичеем чахсы чурты истең ырах чат халган* фолькл. материнское добротное стойбище далеко в мыслях осталось; *улуз чуртым улирга чөр, кічиг чуртым кістирге чөр* фолькл. большое моё стойбище разоряется, малая моя стоянка разрушается (букв. большое жилище моё завоет, малое жилище моё заржёт); 2) жилище, постройка, усадьба; <...>; 3) дом, хозяйство; <...>; 4) жизнь» [13, с. 1005].

В хакасском языке функционируют все названные лексемы, в фольклорных же текстах, по нашим сведениям, используются чаще первые две. Однако семантика лексемы *өрге* «дворец, замок, юрта хана, ставка хана» [13, с. 327] на современном этапе речевого использования несколько сузилась и она обозначает «дворец», например, *спорт өргезі* «дворец спорта», *хоных хончатчатханнар өргезі* «дворец бракосочетаний» (букв. дворец молодожёнов) и т. д.

Значимость ханского жилища в эпическом мире состоит в том, что он реализует взаимодействие внутреннего и внешнего мира людей. Ханское жилище представляется как центр единого эпического пространства, на который опираются такие основополагающие структурные объекты, как *сын*, *хыр* «гора; холм», *чазы* «степь», *аал* «селение», *чечпе* / *сарчын* / *теек* «коноваяз», которые имеют важное функциональное значение и «тесно связаны с образом земли как опорным элементом космогонии» [14, с. 22]. Как правило, богатырь в эпизодах возвращения домой или же посещения юрты другого богатыря, спускается с горы (обычно, *Кирім сын* букв. «гора Кирим»), символизирующей границу между «своей» и «чужой» территориями. Данный «эпический ороним» является заимствованием с монгольского языка: «*хэрэм* крепость; крепостная стена; кремль; капитальная каменная или кирпичная стена; ограда; вал; город, городище; *бэхлэлт хэрэм* бастион; *хот хэрэм* кремль, крепость, городские стены; *Их Цагаан хэрэм* Великая китайская стена; *хэрэм цөмлөх зэвсэг* стенобитное оружие» [15, с. 1092]. Как видно, язык-донор (в нашем случае, монгольский) располагает более обширными семантическими и валентностными свойствами данной лексемы.

В хакасских эпических произведениях, богатырь, как правило, ненадолго останавливается на вершине горы Кирим, обозревает окрестности и направляется в сторону своей или чужой (если приходит на чужую землю) ханской юрты. Или же вместо *Кирім таг* / *сын* используется термин *Аргалыг сын* «высокий хребет». Привязав своего коня к коновязи (*чечпе* / *сарчын* / *теек*), входит в юрту, здоровается и садится за золотой стол, например: *Аргалыг сын төбін ин парган, / аалга-күнге чит парган, / Аран-чула хан поэрах атты / Алтын сарчынга палгаан, / Ал поэз ах торгы ибге, / Читире парын, кире пастырған* [8, с. 88–89] «Спустившись с высокого хребта, / Доехал до солнечного селения, / Кроваво-рыжего крылатого коня / Привязал к золотой коновязи, / Сам же к бело-шёлковой юрте, / Подойдя, зашёл»¹. *Алтын чечпее чидін, Хулатай, / Хара хула аттаң түзін, / Алтын чечпее палган, / Ах өрге ибге кір килген* [8, с. 27] «Дойдя до золотой коновязи, Хулатай, / Спешился с вороного коня, / Привязав [лошадь] к золотой коновязи, / Зашёл в белую юрту – дворец». Часто в описании подобных эпизодов и ситуаций присутствуют обязательные материальные атрибуты ханской юрты: *алтын хаалха* «золотая дверь», *алтын сірее* «золотая скамья; золотой трон», *алтын стол* «золотой стол». Примеры: *Алып кізі Ай Мічік / Кирім сыннаң иніп түскен, / Ат палгачаң ала сарчынга / Чиде түсті. / Ах ой адын ала сарчынга / Палган салып, / Хаалхазын хазыра сазып, / Иркинін іде сазып, ах өргезіне кире салды* [9, с. 47] «Богатырь Ай Мичик / Спустился с горы Кирим, / К пёстрой коновязи (на которую привязывают лошадь) / Подошёл. / [Свою] бело-буланую лошадь к коновязи / Привязав, / Настежь открыв **ворота**, / Перешагивая **порог** зашёл в белый дворец». *Алтын хаалханы аза тартып, / Айланып кірген ах өргее* [8, с. 33–34] «**Золотые ворота** открывая, / Зашёл в белый дворец».

Далее следует эпизод приветствия, языковое описание которого имеет разные варианты, но обязательно в них присутствуют ключевые слова: *изен-минді* «приветствие», *изеннес-минділес-*

¹ Здесь и далее – перевод авторов.

«здороваться; приветствовать друг друга» и т. д. Отметим, что один из компонентов данного приветствия – *миндi* – является монгольским заимствованием, связанным с понятиями здоровья и благополучия: «*мэнд* «1. 1) здоровье, благополучие; <...>; *эрүүл мэндийн бичиг* санитарная книжка; справка; <...>; 2) привет; *мэнд хүргэх* передавать привет; <...>; 2. благополучно; *мэнд өнгөрөв* всё прошло благополучно; *мэнд сайн явлаа* съездил благополучно; <...>; 3. осведомляться о здоровье; передавать привет; *мэнд амар байна уу?* здравствуйте!; *мэнд амархан* благополучие; *мэнд асуух* / *мэнд мэдэх* справляться о здоровье, приветствовать (при встрече)» [15, с. 252–253]. В хакасском языке лексема *миндi* используется только в сочетании с синонимичным *изен* чаще в фольклорных текстах: *Изен ме, миндi бе, Албынчы, / Иркем-кинчем, – тiн турадыр* [8, с. 120–121] ‘Здравствуй, Албынчы, / Душа моя, – говорит’.

Отправление богатыря в военный поход описывается по такой же схеме, только на этот раз его путь представлен в обратном направлении: прощание, выход из юрты, отвызывание коня с золотой коновязи, движение в сторону горы Кирым: *Агар чаага кисчең / Ай үлгүзi пöригiн кизiп, / Ах öрге ибiнең амды, / Айланып, сых чöрiбiскен, / Алтын чечпенi көре пас килiп, / Алтын чечпедe палгап салган* <...>; / *Хара хула атты систiп турадыр*. <...>; / *Хара хула атты айландыра тартыбысхан, / Аргал чонны арали / Улуг аалның узына сыгып, / Чирнiң пöзигi Кирым сынга / Айланып, сыгып, парыпчададыр Хулатай* [8, с. 10–11] ‘Хулатай, надев [свою] кольчугу, / И остроконечный шлем, / Вышел из белой юрты – дворца, / Подошёл к золотой коновязи, отвызал [своего] вороного коня, / Который был привязан к золотой коновязи. / Сев на него, на глазах у народа, / Держит путь к краю большого аала, / И приближается к вершине мира – горе Кирым’.

Таким образом, эпическое пространство богатырей структурировано, что проявляется через определённые материальные компоненты: золотая коновязь, золотая чаша, золотой трон, золотой стол, золотая плеть и т. д., при этом их цвет, форма, назначение имеют символическое значение. И основой этой своеобразной модели эпического мира является ханская юрта, откуда богатырь начинает свой путь в окружающий мир и куда возвращается после трудных богатырских походов и подвигов. Соответственно статусу всесильного богатыря, являющегося олицетворением сверхчеловеческой мощи, бесстрашного защитника родной земли, гармонично вписывающаяся в окружающую среду белая ханская юрта является символом нерушимости/защищённости, благополучия не только её хозяина – богатыря, но и народа. Тем самым, ханская юрта – есть центр эпического мироздания, здесь кипит жизнь. В текстах хакасских богатырских сказаний для передачи той жизненной энергии, бьющейся в сфере ханской юрты, часто используются синонимичные глаголы *айлан*- «вращаться», *ибiрiл*- «крутиться».

2. Лексема *öрге*: этимологическая справка

«Резиденция и ставки князей обозначались как *орда* или *öрге*. Порядок расположения их напоминал монгольскую орду, где впереди всегда находился шатёр правителя» [16, с. 49]. Наиболее распространённая лексема *öрге* / *өргээ* / *өргө* / *өргөө* в текстах героических сказаний монгольских и тюркских народов Саяно-Алтая обозначает жилище главного героя, резиденцию хана. В ЭСТЯ-I она представлена как многозначная лексема, включающая в свою семантическую структуру 10 лексико-семантических вариантов (ЛСВ), бытующих в тюркских языках, среди которых «возвышенность, на которую ставится деревянный остов юрты», «специальная комната (шалаш, палата) для жениха и невесты», «стоянка, ночлег», «восход» и др. [17, с. 546]. Происхождение данного слова вызывает у исследователей разногласия. Бытует мнение, что это монгольское заимствование является производным от глагола *ergü-* / *örgü-* «подниматься», генетически связанного с тюрк. *ör-* «подниматься», тур. *ör-* «возводить или поправлять стену» и др.-тюрк. *örgi* «возводить» [17, с. 546–547; 18, с. 501–502]. Б. И. Татаринцев допускает, что это слово может быть монгольским заимствованием, но при этом обращает внимание на развитую многозначность тувинского слова, в том числе и на наличие у него значений, отсутствующих у монгол («родной край; берлога; венец вокруг солнца и луны; ср.: также сойот. *өргээ* «берлога») [19, с. 410]. Мы тоже предполагаем, что, скорее всего, слово *öрге* / *өргээ* / *өргө* / *өргөө* позникло

путём присоединения к тюркскому основе-корню *өр-* «подниматься» продуктивного в старомонгольском языке словообразовательного аффикса *-ге*. Отсутствие указанных Б. И. Татаринцевым значений тувинской лексемы *өргээ* в семантике монгольского *өргөө* подтверждается его словарной статьёй: *өргөө* I «1) палата, чертог; ставка; юрта высокопоставленного лица; *бурхны өргөө* домашний алтарь; *бүх цэргийн жанжны өргөө* ставка верховного главнокомандующего; *замын өргөө* заезжий двор; *тансаг өргөө* пышный чертог; *ханы өргөө* ханская ставка; *Богд хааны “Зуны өргөө” музей* музей “Летняя резиденция Богдо-хана”; 2) дворец; терем; *охидын өргөө* девичий терем; *тусгай өргөө* особняк; специальный дом; *оосор бүчгуй орд цагаан өргөө* аман. зох. белая юрта-дворец без каких-либо закрепляющих верёвок» [15, с. 433]. Также представленный в Большом академическом монгольско-русском словаре (БАМРС) омонимичный вариант слова *өргөө* показывает его переход в разряд топонимических названий: *өргөө II* Урга (нынешний Улан-Батор, столица Монголии) [15, с. 433]. В роли обозначения ханского жилища / юрты рассматриваемая лексема бытует в героических сказаниях как у монгольских, так и сибирских тюркских народов. В. И. Рассадин отмечает, что во всех монгольских и сибирских тюркских языках *örge* / *өргээ* / *örgeä* / *өргөө* выражен существительным и обозначает «дворец, юрту, замок, ставку, резиденцию» хана (монарха, главы духовенства), также имеет более узкое значение в кирг.: *өргөө, өргө* «свадебная юрта; юрта для новобрачных; чистая юрта (у богатого киргиза)», сойот.: *өргээ* «медвежья берлога» [20, с. 242].

3. Лексема *örge* в тексте героического сказания «Албынчы»

Как показывает исследуемый материал, лексема *örge* в названном тексте используется только в составе устойчивого выражения (клише) *ах öрге иб* «величественная ханская юрта; букв. белая дворец-юрта». Общетюркская лексема *иб* / *ев* / *өй* / *үй* / *ög* во всех источниках показана как: «дом; жилище; юрта». Происхождение и звукопереходы *б-в-й-г* в составе данного слова имеют разные толкования у лингвистов. Но предположение Е. Д. Поливанова о том, что тюркское *ip-ib* восходит к древнекитайскому *ip* «город» находит поддержку у других исследователей [более подробно в: 17, с. 513–515; 18, с. 354–355].

Эпитет *ах* «белый» используется в фольклоре всех тюркских народов и выражает священное свойство объекта (явлений природы, животных, предметов домашнего обихода и т. д.). Белый цвет является не признаком предмета, а древнейшим идеализирующим эпитетом в эпосах не только тюркских, но и других народов, например: белая берёза, белые ручейки, белая река, белое море и т. д. В сочетании с существительными *örge иб* «букв. дворец-юрта» прилагательное *ах* «белый» указывает на высокий статус обладателя жилища. А *örge*, несмотря на его словарное, предметное выражение, субстантивируется и так же, как и *ах* «белый», выступая определением по отношению к лексеме *иб*, выражает величественный размер и красоту ханской юрты. По свидетельству М. В. Ондар, в тувинских текстах лексема *өргээ* тоже встречается в составе клишированных выражений *тос аът долганып четпес өргээ* (ТТ, 219) «юрта, которую девять коней не могут обойти»; *тозан аът долганып четпес докулчак ак өргээ* (ТТ, 164) «круглая белая юрта, которую девяносто коней не могут обойти», которая показывает размер юрты, обозначая тем самым благосостояние героя [21, с. 109]. Автор также отмечает, что в тувинском тексте клише с компонентом *өргээ* является «показателем высокого стиля, заимствованным из монгольского и оно фонетически видоизменено» [21, с. 109].

В тексте героического сказания «Албынчы» клишированное выражение *ах öрге иб* «величественная ханская юрта; букв. белая дворец-юрта» используется в описании следующих локативных ситуаций:

– местонахождение героев внутри белой юрты – дворца, конкретизация которого происходит путём сочетания *ах öрге иб* (+ аффикс Род. п. *-нің*) с послелогоми *істінде* «внутри», *ортызында* «в центре, посередине» и т. д. Примеры: *Че ол күн ікі пала / Ах öрге ибнің істінде / Ойнап ойласчададырлар* [8, с. 57] ‘Но в этот день два ребёнка / Внутри величественной ханской юрты (букв. белой дворец-юрты) / Бегают, играя’. *Хулайының изірігі тың улуг пол парыбысхан, /*

Ах өрге ибнің ортызында / Чуулып, ойда киліп түскен [8, с. 66] ‘Хулатай сильно опьянел (букв. [его] пьянство стало сильно большим), / Посередине величественной ханской юрты (букв. белой дворец-юрты) / Упал без сознания’;

– местонахождение героев обозначается также клише *ах өрге иб*, последний компонент которого *иб* принимает аффикс местного падежа –де: *Алты азыр настыг ах өрге ибде син чуртурзың, / өкіс хулунны ат өскіреңер, / өкіс олганны ир өскіреңер; / Ады чох кізее ат мұңдіріп, / Кибі чох кізее кип кизіртіп чуртурзар* [8, с. 115] ‘Ты будешь жить в шестиугольной величественной ханской юрте (букв. белой дворец-юрте), / Сироту – жеребёнка вырастите, станет конём, / Сироту – ребёнка вырастите, станет мужчиной; / Безлошадного подсаживая на коня, / Бедного (букв. без одежды) человека одевая, будете жить’. *Алтын Теектің ах өрге ибінде алыптар, / Анда көглезіп, анда сарназып турадырлар* [8, с. 104] ‘Богатыри в величественной ханской юрте Алтын Теека, / Поют песни и веселятся’;

– вход героя – богатыря вовнутрь величественной ханской юрты: *Хулатай инібөк түсті, / Улуг аалга чидіп, Алып Хан Хыстың / Ах өрге ибіне кірді. / Изен сала изеннезіп, / Минді сала минділес тур Хулатай* [8, с. 62] ‘Хулатай тоже спустился [с хребта], / Дойдя до большой деревни, / Зашёл в величественную ханскую юрту Алып Хан Хыса’. *Харагы чох тасты чидініп, / Ах өрге ибге кірділер, / ізік азып, ікі тас / Изеннес турадырлар, / Иркін алтап, ікі тас / Минділес турадырлар* [8, с. 81] ‘Ведя за собой слепого раба, / Зашли в величественную ханскую юрту, / Открывая дверь, два раба / Приветствуют [всех], / Перешагивая через порог, два раба / Здороваются [со всеми]’. *Хан Мирген, Хулатайны алып, Хан Хыс пичезінің / Ах өрге ибіне кір килді* [8, с. 65] ‘Хан Мирген вместе с Хулатаем, / Зашёл в величественную ханскую юрту [своей] сестры Хан Хыс’. Как видно, во всех приведённых примерах последний компонент *иб* устойчивого выражения *ах өрге иб* «величественная ханская юрта; букв. белая дворец-юрта» оформлен показателем дательного падежа (-е) и сочетается с глаголом *кір-* «входить». Каузативная форма данного глагола *кир-* «вводить» используется в предложении: *Алып Хан Хыс, арыг, сіліг паланы / Ах өрге ибіне кир килген* [8, с. 56] ‘Алып Хан Хыс чистого, красивого ребёнка / **Ввела в величественную ханскую юрту**’;

– выход героя-богатыря из величественной ханской юрты: *Ай Арыг, час орай паланы ху-чахтап, / Ах өрге ибдең сығып килген* [8, с. 53] ‘Ай Арыг с младенцем на руках / Вышла из величественной ханской юрты’. *Ол сағбаа Алып Хан Хыс / Ах өрге ибдең сығып килген* [8, с. 56] ‘Услышав [на улице] шорох, Алып Хан Хыс / Вышла из величественной ханской юрты’. *Анда одырған Хан Мирген / Ах өрге ибдең сых чөрібіскен* [8, с. 64] ‘Сидевший там Хан Мирген / Вышел из величественной ханской юрты’. *Ах өрге ибдең прайзы сыххлап килді, / Хан Миргенні көрглеп турлар. / Хан Мирген, алыптарны көре, ойлат килір, / Хан поэраха аттың ұстүнде* [8, с. 44] ‘Все вышли из белой ханской юрты, / Высматривают Хан Миргена. / Хан Мирген скачет в сторону богатырей, / Верхом на рыжем коне’. Ситуативное значение «выход героя – богатыря из величественной ханской юрты» выражается прибавлением аффикса исходного падежа –дең к основному компоненту *иб* «дом, жилище, юрта» в сочетании с глаголом *сых-* «выходить»;

– направление пути героя – богатыря в сторону величественной ханской юрты: *Алып Хан Хыс, арыг, сіліг паланы / Холнаң чидініп, ах өрге ибінзер чөрібісті* [8, с. 56] ‘Алып Хан Хыс, ведя за руку / Чистого, красивого ребёнка ушла в величественную ханскую юрту’. Соответственно, здесь основной компонент клише *иб* «дом, жилище, юрта» принимает аффикс направительного падежа –зер. В следующем предложении пространственное направление движения субъекта в сторону величественной ханской юрты транслируется сочетанием клише *ах өрге иб* «величественная ханская юрта; букв. белая дворец-юрта» с послелогом *көре* (букв. смотря). *[Хан Мирген] Ах өрге ибін көре, ырын ырлап, / Көгін көглеп пас парчададыр* [8, с. 67] ‘[Хан Мирген], идёт, не торопясь / В сторону величественной ханской юрты и напевает песню’. Отличительная особенность функционирования послелога *көре* (букв. смотря) на материале геро-

ического сказания «Албынчы» проявляется в том, что он: «а) согласуется с именами в форме винительного падежа (а не дательного падежа, как отмечается в Хакасско-русском словаре); б) указывает на направление движения субъекта, (а не уподобительные и причинно-следственные отношения, как отмечается в Грамматике хакасского языка)» [22, с. 88]. Более подробно о специфических особенностях данного непопулярного в хакасском языке послелого написано в статье «Послелог *köre*: семантика и функционирование (на материале хакасского героического сказания “Албынчы”)» [22];

– приближение героя (богатыря) к величественной ханской юрте: *Сүмекчин сыгара ойлаан, / Ах өрге ибге чидип килдi* [8, с. 93] ‘Слуга выбежала, / Подошла к величественной ханской юрте’. *Икi тас улуг аалны көре ин түстiлер, / Хан-пигнiң ах өрге ибiне читтiлер* [8, с. 89] ‘Два раба спустились [с хребта] в сторону аала, / Дошли до величественной ханской юрты Хан пига’. Здесь ситуативное значение «приближение героя (богатыря) к величественной ханской юрте» реализуется глаголом *чит-* «доходить, добираться», управляемый им основной компонент *иб* «дом, жилище, юрта» в клише *ах өрге иб* «величественная ханская юрта; букв. белая дворец-юрта» принимает аффикс дательного падежа;

– величественная ханская юрта как

а) точка отсчёта: *Ах өрге ибнiң алынды / Ат палгачаң алтын чечпедe / Ара-чула ах ой ат / Анда айланып турыпчададыр* [8, с. 7] ‘Перед величественной ханской юртой / У золотой коновязи / Богатырская бело-буланая лошадь / Беспокойная, там стоит’;

б) как обозначение центра эпического пространства: *Улуг аалның ортызы чирде / Хан-пигнiң ах өрге ибi / Анда, хоосталып, турыпчададыр* [8, с. 7] ‘В середине большой земли / Величественная ханская юрта / Стоит, красуясь, там’.

В тексте героического сказания «Албынчы» нам встретились также несколько трансформированных вариантов клишированной единицы *ах өрге иб* «величественная ханская юрта; букв. белая дворец-юрта» – *ах өрге* «белая юрта». Подобное нарушение привычной клишированной модели сказителем С. П. Кадышевым обнаружено в описании только одного события, приведшего к свадьбе главных героев: *Арыг кўннiң харагы сыхханда, / Хан Мирген ах өргезiнең сыгып, / Алып Хан Хыс пичезiнiң ах өргезiне / Кiр килiп, көр турза, / Кичее хайди чатхан Хулатайнаң Алып Хан хыс, / Сах iдөк хучахтасханнаң узупчададырлар* [8, с. 67] ‘Когда появились лучи солнца, / Хан Мирген, выйдя из [своей] белой юрты, / Зашёл в белую юрту [своей] сестры Алып Хан Хыс, / И смотрит, как вчера Хулатай и Алып Хан хыс спали, обнявшись, / Точно также спят до сих пор’. *Хан Мирген, ах өргеден сыгара ойлап, / Арга чонга хыйгы салган: / – Артых той ползын, аргал чоным, / Алып Хан Хыс пичем Хулатайга парыбысты!* [8, с. 67] ‘Хан Мирген, выбежав из белой юрты, / Бросил клич всему народу: / – Пусть будет самая лучшая свадьба, мой народ, / [Моя] сестра Алып Хан Хыс вышла замуж за Хулатая’.

4. Лексема *өрге* в тексте героического сказания «Ай Мичикнең Кўн Мичик»

В тексте героического сказания «Ай Мичикнең Кўн Мичик» ханское жилище сказителем П. Т. Боргояковым обозначается исключительно клишированным выражением *ах өрге* «белая юрта». В редких случаях, как исключение, используется слово *тура* «1) здание, изба, дом» [13, с. 677], например: – *Иб ээзи хан кiзi, Чир ханы, сых пееп! – / Тура iстiнең табыс истiлче* [9, с. 127] ‘Хозяин дома, господин, Хан Земли, выходи сюда! – / Слышится голос из юрты’.

Устойчивое выражение *ах өрге* «белая юрта» в тексте выполняет те же функции, что и *ах өрге иб* «величественная ханская юрта; букв. белая дворец-юрта», в частности, используется:

а) в форме дательного падежа: *Оолах, ах өргее кире салып, / Пичезiне чоохтапча: / Адым сарчында моонып турча, / Хайди итчең нiме полчаң?* [9, с. 97] ‘Мальчик, зайдя в белую юрту, / Говорит [своей] сестре: / [Моя] лошадь стоит и задыхается на коновязи, / Что же делать?’ *Анаң, пас килiп, / Ах өргезiне кiрдi, / Алтын Сас ипчiзiнең сурды: / – Ах ой адымны хайдаг кiзi / Мўнiп ал парыбысхан?* [9, с. 50] ‘Затем, подойдя, / Зашёл в белую юрту, / Спросил у жены Алтын Сас: / – Кто же на [мою] бело-буланую лошадь / Сел и ускакал?’ *Айлан килiп, ах өргее кiрiп, /*

Алтын стол кистінде / Асха-сусха түзіп одырлар [9, с. 15–16] '[Богатыри], возвратившись, зайдя **вбелую юрту**, / За золотым столом / Сидят и кушают';

б) в форме винительного падежа: *Тооза чирні харады полза, / **Ах өрге** көр салып, / Ах ой адын сагысха кирді* [9, с. 50] 'Всматриваясь в синюю даль, / Увидев **белую юрту**, / Вспомнил [свою] бело-буланую лошадь';

в) в форме направительного падежа: ***Ах өргезер** кіріп, / Пазох от хазында чадыбысхан нимес* [9, с. 109] 'Зайдя **в белую юрту**, / Снова лёг возле очага';

г) в форме исходного падежа: *Хулатай хызыл тасха чорганын чаап, / Көзеңезін түзірібіскен, / **Ах өргеден** сых чөрібіскен* [9, с. 32] 'Хулатай, прикрыв одеялом красный камень, / Опустил шторы, / Вышел из белого дворца';

Как видим, клишированное выражение *ах өрге* «белая юрта» принимает те же падежные формы, что и *ах өрге иб* «величественная ханская юрта; букв. белая дворец-юрта» и, соответственно, управляется глаголами: *кір-* «входить» и *сых-* «выходить».

В тексте героического сказания «Ай Мичикнен Кюн Мичик», в отличие от «Албынчы», частотны послеложные лексемы, указывающие на локацию богатыря относительно определённого ориентира, обозначенного клишированным выражением *ах өрге* «белая юрта»: *Андар, кил, иніп түскен, / **Ах өргенің хырина** пастыр парып, / Ала сарчынның төзінде / Аттаң түзіре, кил, чачыраан* [9, с. 34] '[Он] спустился туда, / Присакавав **близко к белому дворцу**, / Возле пёстрой коновязи / Ловко спешил с коня'. *Күрелдей алыптың чиріне / Чиде салды нимес пе. / Ол алыптың чиріне чидіп, / **Ах өргезінің хырында** сағбазын піліп алған* [9, с. 67] 'Добрался / до владений богатыря Курелдей. / Добравшись до владений этого богатыря, / [Он] догадался, что тот [находится] **возле [своего] белого дворца**'. *Хыс Алып, Ай Мічіктің / Килчеткенін піліп, / **Ах өргенің алынында** турча* [9, с. 68] 'Хыс Алып зная, / Что Ай Мичик скачет, / Стоит перед белым дворцом'. *Аргалыг сыны индіре / **Ах өргее читіре** / Ах кибіс төзел партыр* [9, с. 99] 'Вниз по высокому хребту / **До белого дворца** / Белый ковёр застелен, оказывается'. Подобные примеры свидетельствуют о том, что в рассматриваемом тексте актуальны описания событий и действий богатырей, происходящих в близлежащих к юрте местах.

Тем самым в концептуальное пространство юрты включены такие полярные действия, как вход и выход, которые в тексте осуществляются при помощи превербов *сыгара* (от глагола *сых-* «выходить») «наружу» и *кире* (от глагола *кір-* «входить») «внутри». *Ах өргеден анчада / үс хуу хат, сых киліп, / Хара Молат оолахты, / Ат үстүнең аңдара тартып, / Хара чабағаны ах сарчынға палгап, / оолах-чахсыны, холтыхха алып, / **Ах өргее кире** сөөртеп парирлар* [9, с. 99] 'Тогда выйдя / Из белой юрты три ведьмы, / Мальчика Хара Молат, / С лошади сорвав, / Привязав на коновязь вороного жеребца, / Подхватив под руки парня – молодца, / Потащили внутрь белой юрты'. *Алып кізі Ай Мічік / Ат палгачаң ала сарчынға / Адын палги тартты, / **Ах өргее кире**, кил, пасты* [9, с. 68] 'Богатырь Ай Мичик / На коновязь (на которую привязывают лошадь), / Привязал [свою] лошадь, / Внутрь белой юрты зашёл'. В следующих предложениях заход и выход выражаются сложными глаголами: *сыгара хон-* «выйти», *кире сал-* «зайти»: *Аның соонаң амчоғын пирген, / **Ах өргеден** сыгара хонған* [9, с. 70] 'После этого попрощался, / Из белого дворца – юрты вышел'. *Аллыг хаалханы аза сазып, апчах кізі / **Ах өргее кире** салған* [9, с. 93] 'Старик, открывая широкую дверь, / Зашёл в белый дворец-юрту'. Надо отметить, что в описаниях подобных действий вспомогательные глаголы *хон-* «букв. ночевать», *сал-* «букв. положить», *түс-* «букв. спускаться» выражают дополнительный оттенок внезапности / мгновенности действия.

Конкретизация места действия или же местонахождения героев происходит также при помощи некоторых объектов, относящихся к точке ориентации, например, *ізік* «дверь»: ***Ах өргенің ізік алынында** / Ала сарчынды хан поэраһ ат турча. / **Ах өргеден** ачыг сыыт истілче* [9, с. 56] 'Перед дверью белого дворца / [Привязанный к пёстрой коновязи] стоит рыжий конь, / Из белого дворца слышен горький плач'. ***Ах өргенің ізігі** азылды полза, / Улуг пичезі, сыгара хонып, /*

Алны идегін түре хабынып, / Агаа удур ойлап сыхты нимес [9, с. 102] ‘Когда открылась дверь белого дворца, / [Его] старшая сестра соскочив, / Приподняв [свой] передний подол, / Побежала навстречу ему’.

В героическом сказании «Ай Мичикнен Кюн Мичик» [9] встречается семантически оппозитивная в плане цветообозначения лексема *ax öрге* «белая юрта» – *xара öрге* «чёрная юрта». *Пайагы хыр хозан, / Хара öргедең сыгара ойлап, / Тизип ойлабох парир* [9, с. 26] ‘Тот серый заяц, / Вскочив из чёрной юрты, / Убегает’. В тюркских языках лексема *xара / kara / gara* имеет широкий спектр значений: «1) чёрный; тёмный; мрачный; суровый; печальный; несчастный; 2) скот; толпа; народ; войско; 3) суша; земля; 4) холм; сопка; высокий бугор» [23, с. 161]. В фольклорных текстах данная лексема активно используется как компонент сложных слов, чаще при описании трагических событий, как символ хаоса и трагедии. Частый повтор лексемы *xара* производит на слушателя устрашающее восприятие: *Иди харап турза, / Хара талайның хазы чирде, / Хара тасхылның төзі чирде / Хара öрге турыбысты, / Хара öргенің хыринда / Хара сарчын турчадыр* [9, с. 22] ‘[Его] взору открывается, / Как на берегу Чёрного моря, / Возле чёрной скалы, / Появилась чёрная юрта, / Возле чёрной юрты / Стоит чёрная коновязь’. В героическом сказании «Албынчы» тоже встречаются подобные отрывки: *Албынчы, адазы Хулатайны / Хара тас ибдең сыгара сөзір киліп, / Хара хула аттың хузуругына палгабысхан. / Хара хула атты чидініп, / Хара сынға сығып килген, / Хара сынның үстінде тоғыс хулахтыг / Улар хазанда хара чух хайнап тур* [8, с. 119] ‘Албынчы [своего] отца Хулатая / Вытащив из чёрной каменной юрты, / Привязал на хвост чёрного вороного коня. / Схватив за узду чёрного вороного коня, / Поднялся на чёрный хребет, / На вершине чёрного хребта в большом казане / С девятью ручками (букв. ушами) кипела чёрная смола’. Однако вместе с тем отметим, что в мифологическом видении тюрков не только хаос и несчастье изображаются чёрным цветом. Также чёрный цвет является символом силы, чистоты, могущества и т. д. [более подробно в: 23, с. 161–170].

Заключение

1) Образ ханского жилища объективируется в текстах героических сказаний различными клишированными выражениями, в семантике которых отразились новые смыслы, имеющие ассоциативные связи традиционного и эпического феноменов родного очага. Главными компонентами таких клишированных выражений выступают синонимичные обозначения жилища: *öрге, иб, тура, чурт*. Сравнительно-аналитическое рассмотрение двух текстов хакасских героических сказаний показало, что в них наиболее часто в составе клишированных выражений используется компонент *öрге*: *ax öрге иб* «величественная ханская юрта; букв. белая дворец-юрта» [8] и *ax öрге* «букв. белая юрта» [9];

2) в концептуальное поле ханского жилища включаются лексико-семантические и грамматические категории, материализующие понятия местонахождения, входа / выхода из юрты, отправления / возвращения богатыря после героических подвигов. Тем самым в концепте ханского жилища обнаруживается совмещение внешнего и внутреннего мира богатыря, а сама юрта становится центром эпического пространства и символом сакрализованной родной земли богатыря. К тому же лингвокультурологическая значимость ханской юрты выражается в целостности интерпретационных и мировоззренческих установок нерушимости, благополучия и плодородия не только её хозяина – богатыря, но и подданного народа;

3) в целом клишированные выражения *ax öрге иб* «величественная ханская юрта; букв. белая дворец-юрта» [8] и *ax öрге* «белая юрта» [9] выполняют одинаковые (названные в пункте 2) лексико-семантические функции. Однако на примере этих двух видоизменённых вариантов клишированных выражений можно проследить процессы преобразования как плана выражения, так и плана содержания лексемы *öрге* «дворец, замок, юрта хана, ставка хана» [13, с. 327]. Если клишированное выражение *ax öрге иб* «величественная ханская юрта; букв. белая дворец-юрта» вступает в синтаксическую связь с глаголом, то соответствующие грамматические формы принимает только базовая лексическая единица *иб* «дом, жилище, юрта», а лексема *öрге*

в качестве определения остаётся неизменяемой. В случае с *ax öрге* «букв. белая юрта» последний компонент принимает на себя смысловую и грамматическую нагрузку, тем самым меняется его семантический и валентностный каркасы;

4) в тексте героического сказания «Ай Мичикнен Кюн Мичик» [9], в отличие от «Албынчы» [8], более обширная и насыщенная языковая репрезентация ханского жилища при помощи компонента *örge*, в частности:

- частотны послеложные лексемы, указывающие на локацию богатыря относительно определённого ориентира, обозначенного клишированным выражением *ax öрге* «букв. белая юрта»;
- конкретизация места действия или же местонахождения героев происходит также при помощи некоторых объектов, относящихся к точке ориентации, например, *izik* «дверь»;
- встречается семантически оппозитивная в плане цветообозначения лексеме *ax öрге* «белая юрта» – *xara öрге* «чёрная юрта» при описании мрачных и трагических картин.

Литература

1. Ахматова М. А. Вербализация языковой картины мира в карачаево-балкарском нартском эпосе : дисс. ... д. филол. н. – Нальчик, 2021. – 346 с.
2. Филиппова Е. В. «Дом» как фрагмент фольклорной картины мира на материале английских и русских народных баллад : дисс. ... к. филол. н. – Саратов, 2001. – 191 с.
3. Зиангирова Э. М. Лингвокультурологическое поле «ой» в татарском языке: на материале произведений М. Магдеева : автореф. дис. ... к. филол. н. – Казань, 2005. – 23 с.
4. Житникова М. Л. Дом как базовое понятие народного мировидения: лингвокультурологический аспект : дис. ... к. филол. н. – Томск, 2006. – 191 с.
5. Потпот Р. М. Дом в традиционной хантыйской модели мира : дис. ... к. филол. н. – Ханты-Мансийск, 2020. – 244 с.
6. Абдина Р. П. Семантика лексемы дом в хакасском героическом эпосе как проявление национальной ментальности и её репрезентация в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6 : в 2 ч. Ч. I. – С. 13–16.
7. Абдина Р. П. Наименования жилищ и зональных мест традиционной юрты в хакасском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – Вып. 10. – С. 166–171.
8. Албынчы. Алыптыг ныхах (героическое сказание). – Абакан : Хакаское кн. изд-во, 2018. – 126 с. (на хакасском яз.)
9. Ай Мичикнең Күн Мичик. Богатырские сказания. – Абакан : Хакаское кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2021. – 176 с. (на хакасском яз.)
10. Арбачакова Л. Н. Роль сказителя в сюжетостроении шорских героических сказаний // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2–4. – С. 98–100.
11. Субракова О. В. Язык хакасского героического эпоса. – Абакан : Хакаское кн. изд-во, 2007. – 164 с.
12. Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / ответственный редактор И. Н. Гемуев. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1988. – 225 с.
13. Хакасско-русский словарь – Хакас-орыс сөстiгi / под общей редакцией О. В. Субраковой. – Новосибирск : Наука, 2006. – 1114 с.
14. Майнагашева Н. С. Отражение национального образа мира в эпосе хакасов и шорцев // Вестник Северо-Восточного федерального университета. Серия Эпосоведение. – 2017. – № 4. – С. 17–28.
15. Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах / ответственный редактор Г. Ц. Пюрбеев. – Москва : ACADEMIA, 2001. – 2007 с.
16. Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов : пособие для учителей. – Абакан : Хакаское кн. изд-во, 1996. – 224 с.
17. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). – Москва : Наука, 1974. – 767 с.
18. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Э. Р. Тенишев и др. – Москва : Наука, 2001. – 822 с.

19. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Том IV: М, Н, О, Ө, П. – Новосибирск : Наука, 2008. – 442 с.
20. Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности / под редакцией А. В. Дыбо. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. – 608 с.
21. Ондар М. В. Особенности языка тувинских героических сказаний (в сопоставительном аспекте) : дис. ... к. филол. н. – Москва, 2020. – 302 с.
22. Чертыкова М. Д., Каксин А. Д. Послелог *köre*: семантика и функционирование (на материале хакасского героического сказания «Албынчы») // Вестник Северо-Восточного федерального университета. Серия Эпосоведение. – 2019. – № 4. – С. 88–98.
23. Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. – Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1978. – С. 159–179.

References

1. Akhmatova M. A. Verbalization of linguistic picture of the world in a Karachai-Balkar Nart epic. Dissertation of Doctor of Philological Sciences. Nalchik, 2021, 346 p. (In Rus.)
2. Filippova E. B. “Home” as a fragment of the folklore picture of the world on the material of English and Russian folk ballads. Dissertation of Candidate of Philological Sciences. Saratov, 2001, 191 p. (In Rus.)
3. Ziangirova E. M. Linguistic and cultural field “oh” in the Tatar language: based on the works of M. Magdeev. Abstract of the dissertation of Candidate of Philological Sciences. Kazan, 2005, 23 p. (In Rus.)
4. Zhitnikova M. L. House as a basic concept of the people’s world view: linguoculturological aspect. Dissertation of Candidate of Philological Sciences. Tomsk, 2006, 191 p. (In Rus.)
5. Potpot R. M. House in the traditional Khanty model of the world. Dissertation of Candidate of Philological Sciences. Khanty-Mansiysk, 2020, 244 p. (In Rus.)
6. Abdina R. P. The semantics of the lexeme house in the Khakas heroic epic as a manifestation of national mentality and its representation in the Russian language. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2013, no. 6: in 2 parts. Part I, pp. 13–16. (In Rus.)
7. Abdina R. P. Names of dwellings and zonal places of the traditional yurt in the Khakassian language. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2019, vol. 12, iss. 10, pp. 166–171. (In Rus.)
8. Albynchy. Alyptyg nymakh (a heroic tale). Abakan, Khakas Book Publishers, 2018, 126 p. (In Khakas)
9. Ai Michikneng Kyun Michik. Bogatyr tales. Abakan, Torosov Khakas Book Publishers, 2021, 176 p. (In Khakas)
10. Arbachakova L. N. The role of the narrator in the plot construction of the Shor heroic legends. *Bulletin of the Kemerov State University*. 2015, no. 2–4, pp. 98–100. (In Rus.)
11. Subrakova O. V. The language of the Khakas heroic epic. Abakan, Khakas Book Publishers, 2007, 164 p. (In Rus.)
12. Lvova E. L., Oktyabrskaya I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S. Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. The real world. Ed. I. N. Gemuev. Novosibirsk, Nauka Publ., 1988, 225 p. (In Rus.)
13. Khakas-Russian dictionary. Edited by O. V. Subrakova. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006, 1114 p. (In Khakas and Rus.)
14. Mainagasheva N. S. Reflection of the national image of the world in the epic of the Khakasses and Shors. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2017, no. 4, pp. 17–28. (In Rus.)
15. Big academic Mongolian-Russian dictionary in four volumes. Rep. ed. G. Ts. Pyurbeev. Moscow, ACADEMIA Publ., 2001, 2007 p. (In Rus.)
16. Butanaev V. Ya. Traditional culture and life of the Khakas: a guide for teachers. Abakan, Khakas Book Publishers, 1996, 224 p. (In Rus.)
17. Sevortyan E. V. Etymological dictionary of Turkic languages (Common Turkic and inter-Turkic bases for vowels). Moscow, Nauka Publ., 1974, 767 p. (In Rus.)
18. Comparative-historical grammar of Turkic languages. E. R. Tenishev, et. al. Moscow, Nauka Publ., 2001, 822 p. (In Rus.)
19. Tatarintsev B. I. Etymological dictionary of the Tuvan language. Vol. IV: M, N, O, Ө, P. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008, 442 p. (In Rus.)

20. Rassadin V. I. Essays on the history of the formation of the Turkic-Mongolian linguistic community. Ed. A. V. Dybo. Saint Petersburg, Nestor-History Publ., 2019, 608 p. (In Rus.)
21. Ondar M. V. Features of the language of Tuvan heroic legends (in a comparative aspect). Dissertation of Candidate of Philological Sciences. Moscow, 2020, 302 p. (In Rus.)
22. Chertykova M. D., Kaksin A. D. Postposition köre: semantics and functioning (on the material of the Khakas heroic legend “Albynchy”). *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2019, no. 4, pp. 88–98. (In Rus.)
23. Kononov A. N. Semantics of color terms in the Turkic languages. In: Turkological collection. 1975. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 159–179. (In Rus.)